СОЦИАЛИЗАЦИЯ БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ РОССИИ – НАЧАЛО ПОСТПРИВАТИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

А. С. Свиридов

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Воронеже

Поступила в редакцию 26 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования социальных функций российского бизнеса в постприватизационный период. Предложен методический подход к определению пространственной локализации социальных функций бизнеса. На основе обоснованных теоретического и методического подходов проведен анализ развития социальных функций бизнеса в период 2000–2005 гг. Определены виртуальные группы регионов России с различной направленностью развития социальных функций бизнеса в постприватизационный период.

Ключевые слова: бизнес, социальные функции бизнеса, кластеры, региональные кластеры.

Abstract: in article are considered a problem of formation of social functions of the Russian business during the post-privatization period. Methodical approach to definition of spatial localization of social functions of business is offered. On the basis of reasonable theoretical and methodical approach the analysis of development of social functions of business in the period of 2000–2005 is carried out. Virtual groups of regions of Russia with various orientation of development of social functions of business during the post-privatization period are defined.

Key words: business, social functions of business, clusters, regional clusters.

Российский бизнес представляет собой довольно молодое общественное явление, в связи с чем его социальные функции складываются под действием различных факторов мега-, макро-, мезо- и микро-уровней. Это обстоятельство отмечают различные исследователи [1–5 и др.]. Существенную роль при формировании и трансформации социальных функций бизнеса играют региональные особенности, на что также указывают ученые, специализирующиеся на проблемах регионального развития и взаимодействия органов власти с бизнес-структурами [1; 4–9 и др.].

Несмотря на значительный научный задел в указанной области исследований, пока не сложилось достаточно определенной, четко выраженной позиции отечественных исследователей в вопросах развития социальных функций бизнеса в России и административно-территориальных образованиях страны, что и явилось основанием для анализа происходящих процессов социализации бизнеса, их функциональной и пространственной локализации.

Особый интерес при этом представляет период 2000–2005 гг., который можно характеризовать как ранний постприватизационный. Фактически в это время бизнес был институционализирован в нормах общественного сознания и правилах поведения, экономика страны и ее регионов развивалась

весьма интенсивно, обеспечивая бизнес-структурам экономические и институциональные условия для социализации.

Методический подход к анализу социализации бизнеса

При рассмотрении процессов социализации бизнеса мы исходим из того, что они имеют определенную функциональную и территориальную локализацию. На это обращают внимание различные авторы [2–3; 8; 10 и др.].

В процессе исследования мы использовали совокупность методических приемов, позволяющих оценить в динамике пространственную и функциональную локализацию социальных функций бизнеса.

1. Для выявления относительно однородных групп регионов использован кластерный подход, предложенный И. Манделем, И. Хартиганом, М. Вонгом, М. Олдендерфером, Р. Блэшфилдом [11–13]. Данный подход получил широкое распространение в исследованиях, посвященных пространственной локализации социально-экономических процессов [6–8; 10; 14–15].

2. Учитывая разную размерность принятых для анализа показателей, они были приведены в нормированное состояние по стандартной процедуре, подробно рассмотренной в исследованиях В. Кругляковой [6].

Поскольку ряд показателей, представленных в официальной статистике, имеет отрицательный вектор влияния на социально-экономические процессы, они заменены обратными. Так, показатель «уровень безработицы» заменен обратным «100 минус уровень безработицы» (Var 9); «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» заменена показателем «доля населения с доходами выше прожиточного минимума» (Var 14); «степень износа основных фондов» представлена обратным показателем «100 минус степень износа основных фондов» (Var 21). Данный подход получил достаточное распространение в практике кластерного анализа [6–7; 10; 16–17].

3. Для определения пространственной и функциональной локализации процессов социализации бизнеса мы выделили совокупность показателей, которые представлены в официальной статистике:

– общее экономическое развитие территории (ВРП на душу населения (руб.) – Var 20); воспроизводство материальной базы (100 минус степень износа основных фондов (%) – Var 21);

– вовлечение населения в производственные процессы (численность экономически активного населения (тыс. чел.) – Var 1; среднегодовая численность занятых в экономике (тыс. чел.) – Var 2; распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности – государственная собственность (тыс. чел.) – Var 3; распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности – частная собственность (тыс. чел.) – Var 4; коэффициенты миграционного прироста (на 10 000 чел. населения) – Var 5; уровень экономической активности населения (%) – Var 6; показатель, обратный уровню безработицы: (100 минус уровень безработицы (безработица – по методике МОТ) – Var 9);

– вовлечение населения в образовательные процессы: состав занятого населения по уровню образования (%): высшее профессиональное – Var 7; состав занятого населения по уровню образования (%): среднее профессиональное – Var 8; численность обучающихся по программам СПО (тыс. чел.) – Var 18; численность обучающихся по программам ВПО (тыс. чел.) – Var 19;

– обеспечение населения доходами от трудовой деятельности: среднедушевые денежные доходы населения (руб. в месяц) – Var 10; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб. в месяц) – Var 11;

– обеспечение бизнеса доходами от собственности и функционирования: доходы от предпри-

нимательской деятельности (%) – Var 12; доходы от собственности (%) – Var 13);

– влияние на уровень бедности: доля населения с доходами выше прожиточного минимума (100 минус численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%)) – Var 14);

– структура потребления: структура использования денежных доходов населения: покупка товаров и услуг (%) – Var 15; структура использования денежных доходов населения: приобретение недвижимости – Var 16 (%); структура использования денежных доходов населения: прирост финансовых активов Var 17 (%);

– инновационное развитие общества: численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (чел.) – Var 22; созданные (разработанные) передовые производственные технологии – Var 23; используемые передовые производственные технологии – Var 24; объем инновационных товаров, работ, услуг (млн руб.) – Var 25.

4. Количество кластеров, принятых для анализа территориальной локализации социальных функций бизнеса, определено нами в пять единиц. В литературе обычно выделяется от 5 до 7 кластеров, которые образуют российские регионы по различным социально-экономическим характеристикам [6; 10; 14–17 и др.].

В ряде случаев применяется более сложная система кластеризации. В частности, применяется поэтапная кластеризация, с постепенным исключением из состава кластеров регионов, существенно отличающихся по уровню развития от основной их массы [10], также предлагается исключать из состава показателей, заложенных в основу кластеризации, сильно коррелирующиеся [6]. Е. Исаева осуществляет анализ социально-экономических процессов на основе кластеров с «пересекающимися» признаками [2; 3].

Подробный анализ указанных выше работ показал, что при применении сложных схем кластерного анализа из поля зрения исследователя выпадают довольно крупные административно-территориальные образования, без которых общая картина социально-экономического развития регионов страны становится неполной. Поэтому мы предпочли использовать кластерный анализ в его классическом виде. Анализ дендрограммы показал достаточность деления регионального массива данных по принятой совокупности показателей социализации бизнеса на 5–6 кластеров.

Кластеризация произведена по методу к-средних, обеспечивающему минимизацию дисперсии внутри каждого кластера, простоту расчетов и необходимую точность измерения [3; 6–7; 14–15].

5. В качестве информационной базы для формирования кластеров приняты данные официальной статистики [18–19]. В качестве базового года для характеристики состояния и динамики социализации бизнеса принят 2000 г., представляющий собой своеобразный рубеж между становлением российского бизнеса как общественного явления и его развитием как нового, но уже сформировавшегося института.

6. Поскольку классический кластерный анализ предполагает наличие в кластере хотя бы двух единиц, а фактологические исследования показывают, что в составе российских регионов часто очень отчетливо выделяется по своим параметрам один регион (Москва), то мы предложили не исключать его из анализа, а сформулировать для него понятие «паракластер», что позволяет сохранить целостность анализируемого пространства и в то же время не нарушить формальных требований к совокупности объектов, составляющих кластеры.

Мы приняли во внимание, что во многих исследованиях фиксируется присутствие чрезвычайно крупных кластеров, включающих более половины российских регионов. Этот кластер отражает в наибольшей степени общее состояние системы, поэтому предлагаем использовать для него термин «мегакластер».

Результаты кластерного анализа социализации российского бизнеса

Проведенный анализ показал, что в 2000 г. сформировались кластеры, существенно отличающиеся по уровню развития социальных функций.

Статистическая достоверность сформированных кластеров достаточно высокая (значения средних квадратических отклонений невелики по сравнению со средними нормированными значениями по совокупности показателей, характеризующих социальные функции бизнеса).

Кластер А (паракластер) был в 2000 г. представлен одним регионом – Москвой, неоспоримое преимущество которой в развитии социально-экономических процессов практически единодушно отмечают исследователи региональных проблем [2–3; 6–8; 10; 14–17]. Паракластер существенно превосходил остальные кластеры на начало пост-приватизационного периода по общему объему выполняемых социальных функций, более чем

вдвое опережая ближайший к нему кластер Б и в 3,4 раза – наименее развитый кластер Д.

Различия между остальными кластерами также достаточно существенны, но переход от более развитых к менее развитым происходит постепенно: от кластера Б к В – 1,15; от В к Г – 1,17; от Г к Д – 1,22. Таким образом, заметно относительно равномерное падение уровня развития социальных функций бизнеса в 2000 г. по группам регионов Российской Федерации.

Состав второго по уровню развития социальных функций бизнеса кластера Б вполне логично отражает уровень экономического развития традиционно сильных регионов, унаследовавших социально-экономический потенциал России социалистического периода. Впрочем, обычно исследователи фиксируют более узкий состав регионов в кластерах второго уровня, сформированных по важнейшим социально-экономическим показателям [6; 10].

Несколько отстает от кластера Б следующий за ним кластер В, включающий 9 регионов страны с довольно высокими показателями развития социальных функций бизнеса.

Сорок пять регионов показали средний уровень развития социальных функций бизнеса, т.е. в социально-экономическом пространстве страны сформировался мегакластер (кластер Г), отражающий уровень и характер развития социальных функций бизнеса в большинстве регионов страны. Следует обратить внимание на то, что мегакластер объединяет не самые слабые, с точки зрения анализируемых процессов, регионы, как в кластеризации регионов по параметрам научно-образовательной и инновационной деятельности [4–3].

Кластер Д в наших расчетах представлен полностью национальными окраинами и Республикой Калмыкия, что также достаточно часто отмечают исследователи.

За первые пять лет XXI в. социализация бизнеса в российских регионах изменила пространственную и функциональную конфигурацию.

Существенно сократился разрыв между обобщающими показателями развития социальных функций бизнеса – с 3,4 в 2000 г. до 2,2 в 2005 г., что связано с двумя обстоятельствами: расширением состава кластера А и, соответственно, уменьшением значения обобщающего показателя и улучшением состояния кластера Д, в основном также за счет расширения его состава (разрыв между максимальным и минимальным значениями обобщающего показателя остался практически на

прежнем уровне. Таким образом, можно сделать вывод о выравнивании развития социальных функций бизнеса в крупных группах при сохранении величины разрыва между регионами с максимальным и минимальным уровнем развития.

Паракластер А превратился в полноценный кластер, включающий три региона (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) с высоким уровнем социально-экономического развития. Это позволяет говорить о расширении пространства высокого развития социальных функций бизнеса в период экономического роста (2000–2005 гг.).

Кластер Б расширил свой состав с 15 до 18 регионов (Воронежская область, Краснодарский край, Волгоградская область, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Челябинская область, Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область).

При этом в его составе сохранилось прочное ядро из 12 регионов, два региона (Московская область и г. Санкт-Петербург) заняли более высокую позицию (кластер А), один регион (Приморский край) ухудшил свое состояние, сместившись в кластер Г, а 5 регионов (Воронежская, Кемеровская и Омская области, Алтайский и Красноярский края) улучшили свое положение по реализации социальных функций бизнеса, сместившись в кластер Б из менее развитых кластеров. Плотность кластера увеличилась, о чем свидетельствует уменьшение среднего квадратического отклонения с 0,458757 до 0,284672 при практически неизменном значении средних нормированных значений интегрального показателя развития социальных функций бизнеса (9, 516991 в 2000 г. и 9,369399 в 2005 г.).

Кластер В практически не изменился, сохранив из 9 регионов (2000 г.) 8 в 2005 г. (Республика Коми, Мурманская, Тюменская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский АО). Покинул кластер только один регион (Красноярский край), заняв более высокое положение в кластере Б. Среднее нормированное значение интегрального показателя развития социальных функций бизнеса осталось практически на прежнем уровне (8,214952 в 2000 г. и 8,202069 в 2005 г.), при этом плотность кластера несколько снизилась (среднее квадратическое отклонение увеличилось с 0,297964 в 2000 г. до 0,3559474 в 2005 г.).

Кластер Г утратил «статус» мегакластера, его состав сократился с 45 регионов до 32. При этом кластер сохранил ядро из 29 регионов. Только три региона в 2005 г. оказались новыми (Республика Бурятия, Приморский край, Еврейская АО). Среднее нормированное значение интегрального показателя развития социальных функций бизнеса выросло с 7,006016 в 2000 г. до 7,558798 в 2005 г. Плотность кластера практически не изменилась (среднее квадратическое отклонение составило в 2000 г. 2,79 % от среднего нормированного значения интегрального показателя, в 2005 г. – 2,88 %).

В связи с разрушением мегакластера можно утверждать, что развитие социальных функций бизнеса в регионах, представлявших в 2000 г. большинство субъектов Российской Федерации, стало происходить по разным векторам.

Кластер Д существенно расширил свой состав (с 10 регионов до 19) при этом 6 регионов составили его стабильное ядро (республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия, Алтай, Тыва) сохранив свое положение. Однако уменьшение доли ядра с 60 % (по количеству регионов) в 2000 г. до 31,5 % в 2005 г. свидетельствует о неустойчивости кластера.

Плотность кластера за пятилетний период не изменилась и характеризовалась соотношением среднего квадратического отклонения и среднего нормированного значения интегрального показателя развития социальных функций бизнеса 3,9 % как в 2000 г., так и в 2005 г.

Сократился разрыв между степенью развития социальных функций бизнеса между кластером А и иными кластерами: по сравнению с кластером Б опережение сократилось с 2,1 раза до 1,6 раза; с кластером В – с 2,4 раза до 1,8 раза; с кластером Г – с 2,8 раза до 2,0; с кластером Д – в 3,4 до 2,2 раза.

Различия между остальными кластерами также сократились: разрыв между уровнями развития социальных функций бизнеса между кластерами Б и В сохранился практически неизменным (1,15 в 2000 г. и 1,14 в 2005 г.); между В и Г сократился с 1,17 (2000 г.) до 1,1 (2005 г.); от Г к Д – 1,22 (2000 г.) до 1,12 (2005 г.). Таким образом, заметно повышены равномерности развития социальных функций бизнеса в 2005 г. по группам регионов РФ по сравнению с 2000 г.

Произошли изменения в конфигурации развития социальных функций бизнеса в каждом из кластеров.

В кластере А изменения за период с 2000 по 2005 г. характеризовались следующим образом:

– максимальные значения (1,0) не достигнуты ни по одному из показателей, характеризующих развитие социальных функций бизнеса;

– наибольшие среди всех кластеров значения были достигнуты практически по всем показателям, однако близкими к максимальному значению (свыше 0,8) оказались только показатели: коэффициент миграционного прироста; уровень экономической активности населения; доля занятого населения с высшим образованием в общей совокупности занятых; показатель, обратный уровню безработицы.

Как видим, бизнес кластера А сосредоточился в период повышения экономической конъюнктуры 2000–2005 гг. на вовлечении трудовых ресурсов в производственный процесс. Заметим, что в 2000 г. отрыв кластера от остальных по величине миграционного прироста и уровню экономической активности был невелик. Таким образом, активизировалась одна из базовых функций бизнеса в целом не только в социальной, но и в социально-экономической сфере.

По ряду позиций кластер А сохранил невысокое положение. В частности, по доле занятых со средним специальным образованием он остался лишь на четвертом месте, опережая только кластер Д.

По среднемесячной заработной плате работников кластер по-прежнему существенно опережал большинство остальных, уступая в то же время кластеру В.

Минимальное среди всех кластеров значение приобрели показатели: доходы от собственности (в 2000 г. – четвертое место); использование денежных доходов населения на прирост финансовых активов (отрыв от остальных кластеров по сравнению с 2000 г. сократился).

В структуре потребления максимальное значение (как и в 2000 г.) имело приобретение товаров и недвижимости.

По уровню ВРП на душу населения кластер утратил первое место, уступив его кластеру В.

По показателю, характеризующему степень износа основных фондов (обратному степени износа), кластер занял лидирующую позицию. Иначе говоря, бизнес наиболее развитого кластера сосредоточился не только на привлечении трудовых ресурсов, но и на обновлении основных фондов.

По показателям, характеризующим инновационную деятельность (численность персонала, занятого исследованиями и разработками; созданные передовые производственные технологии; используемые передовые производственные технологии;

объем инновационных товаров, работ, услуг), кластер А сохранил лидирующие позиции, но отрыв от остальных кластеров уменьшился.

Кластер Б за период с 2000 по 2005 г. отчасти сохранил свои позиции, отчасти подвергся определенным изменениям:

– ни по одному из показателей развития социальных функций бизнеса кластер не достигал максимально возможного уровня как в 2000 г., так и в 2005 г.;

– кластер сохранил вторые позиции по большинству показателей (численность экономически активного населения; среднегодовая численность занятых; сосредоточение занятых в организациях государственной и частной форм собственности; доходам от собственности; численности обучающихся по программам СПО и ВПО; численности персонала, занятого исследованиями и разработками, созданным и используемым передовым производственным технологиям);

– по уровню безработицы (обратный показатель) сместился со второй на третью позицию, отстав, хотя и не существенно, от кластера Г;

– кластер Б утратил вторые позиции по показателю: доля занятых с высшим образованием;

– кластер Б улучшил положение, заняв 2-е место по показателям: доля занятых со средним специальным образованием; коэффициент миграционного прироста;

– кластер занял в 2005 г. 1-е место по: использованию доходов на покупку товаров и услуг (в 2000 г. было 2-е); доле занятых со средним специальным образованием (в 2000 г. было 2-е);

– по доходам от предпринимательской деятельности кластер занимал в 2000 и 2005 гг. вторую позицию, но после кластера Д, а не А;

– по вложениям в финансовые активы кластер в 2000 и 2005 гг. занимал предпоследнюю позицию, опережая только кластер А;

– неоправданно слабыми (с точки зрения общего уровня развития социальных функций бизнеса) остались позиции кластера по: среднедушевым доходам населения; среднемесячной заработной плате; доле населения с доходами выше прожиточного минимума; ВРП на душу населения; изношенности основных фондов;

– по показателям, характеризующим инновационную деятельность, кластер Б, хотя и занимал в 2005 г. вторые позиции, но существенно отставал от кластера А.

В кластере В изменения за период с 2000 по 2005 г. представлены следующим образом:

– более высокие позиции, чем следует из общего положения кластера, он занимал по показателям: уровень экономической активности населения (самое высокое значение показателя), доля специалистов со средним специальным образованием (самое высокое значение), среднедушевые доходы населения (вторая позиция после кластера А), среднемесячная заработная плата (самое высокое значение), доля населения с доходами выше прожиточного минимума (вторая позиция), доля доходов, направленных на увеличение финансовых активов (самое высокое значение), ВРП на душу населения (вторая позиция после кластера А в 2000 г. и первая – в 2005 г.);

– по доле изношенных основных фондов кластер утратил лидерство, заняв в 2005 г. только третью позицию (после кластеров А и Б);

– по большинству позиций кластер занимал в 2005 г. довольно низкое положение.

В кластере Г изменения за период с 2000 по 2005 г. характеризуются следующим образом:

– сохранился в 2005 г. более высокий уровень, чем следует из общего положения кластера, достигнутый в 2000 г., по показателям: доходы от предпринимательской деятельности; прирост финансовых активов; доля изношенных основных фондов;

– снизился уровень развития социальных функций бизнеса в кластере Г по показателям: коэффициент миграционного прироста (4-е место в 2005 г.); доле специалистов с высшим образованием (5-е место в 2005 г.);

– улучшение позиций произошло по показателям: численность экономически активного населения; среднегодовая численность занятых в экономике; среднегодовой численности занятых в секторе государственной собственности; доля специалистов со средним специальным образованием; уровень безработицы; среднемесячная заработная плата; использование денежных доходов населения на покупку товаров и услуг, приобретение недвижимости, численность обучающихся по программам СПО и ВПО, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, используемые передовые технологии, объем инновационных товаров, работ, услуг (по этим показателям кластер Г достиг более высоких значений, чем кластер В);

– по остальным показателям кластер занимал позиции, соответствующие его общему 4-му месту в развитии социальных функций бизнеса.

Фактически положение кластера оказалось несколько худшим, чем кластера В, в силу отста-

вания по уровню экономической активности населения, среднедушевым доходам, среднемесячной заработной плате, ВРП на душу населения.

В кластере Д изменения за период с 2000 по 2005 г. выглядят следующим образом:

– сохранился в 2005 г. более высокий уровень, чем следует из общего положения кластера, достигнутый в 2000 г., по показателям: коэффициент миграционного прироста; доля специалистов с высшим образованием; доходы от предпринимательской деятельности; прирост финансовых активов;

– оказались утраченными относительно высокие позиции по доле изношенных основных фондов;

– улучшилось положение кластера по уровню экономической активности населения;

– по большинству позиций кластер остался на позициях, соответствующих его положению аутсайдера в развитии социальных функций бизнеса с наибольшим отставанием от остальных кластеров (в том числе и кластера Г) по доходам на душу населения, заработной плате и ВРП на душу населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров В. П. Экономическая и управленческая деятельность государства : сферы, уровни, инструментарий / В. П. Бочаров, И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. – 556 с.

2. Исаева Е. М. Динамика воспроизводимых факторов производства в регионах России – экономический и институциональный аспекты / Е. М. Исаева, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Регион : системы, экономика, управление. – 2013. – № 1 (20). – С. 21–31.

3. Исаева Е. М. Экономическая динамика институциональных подсистем регионов России / Е. М. Исаева, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Современная экономика: проблемы и решения. – 2013. – № 1 (37). – С. 86–98.

4. Круглякова В. М. Современная практика государственного регулирования инвестиционной деятельности в субъектах РФ : общее и особенное / В. М. Круглякова, Ю. И. Трещевский // Современная экономика : проблемы и решения. – 2010. – № 3 (3). – С. 32–43.

5. Рисин И. Е. Государство и бизнес в регионе / И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 156 с.

6. Круглякова В. М. Региональная инвестиционная политика : методологическое, концептуальное, методическое обеспечение / В. М. Круглякова. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2012. – 300 с.

7. Никитина Л. М. Совершенствование региональных моделей социальной ответственности бизнес-структур : методологические, теоретические, практические

аспекты / Л. М. Никитина, Д. А. Степыгин. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 264 с.

8. Никитина Л. М. Социальная ответственность бизнеса и государства : региональный аспект / Л. М. Никитина, Д. А. Степыгин // Современная экономика: проблемы и решения. – 2012. – № 12 (36). – С. 54–62.

9. Трещевский Ю. И. Методология и методика экономического анализа конкурентоспособности региона / Ю. И. Трещевский // Экономический анализ : теория и практика. – 2009. – № 18. – С. 35–46.

10. Рисин И. Е. Типологизация инновационного развития регионов России на основе поэтапной кластеризации / И. Е. Рисин, Д. Ю. Трещевский // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2011. – № 1. – С. 20–27.

11. Hartigan I. A. Algorithm AS 136 : A K-Means Clustering Algorithm / J. A. Hartigan, M. A. Wong // Journal of the Royal Statistical Society Series C (Applied Statistics). – Vol. 28, № 1 (1979). – P. 100–108.

12. Мандель И. Д. Кластерный анализ / И. Д. Мандель. – М. : Финансы и статистика, 1988. – 176 с.

13. Олдендерфер М. С. Кластерный анализ / М. С. Олдендерфер, Р. К. Блэшфилд / Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / под ред. И. С. Енюкова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 215 с.

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Воронеже

Свиридов А. С., кандидат экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента

E-mail: sviridov2010@mail.ru

14. Трещевский Ю. И. Виртуальная кластеризация российских регионов в сфере социальной ответственности бизнеса и государства / Ю. И. Трещевский, Д. А. Степыгин // Регион : системы, экономика, управление. – 2013. – № 1 (20). – С. 47–58.

15. Трещевский Ю. И. Выбор стратегий инновационного развития регионов на основе виртуальной кластеризации / Ю. И. Трещевский, Д. Ю. Трещевский // Учен. записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2012. – Т. 25 (64). – № 4. – С. 208–217.

16. Степыгин Д. А. Теоретические основания формирования дифференцированных региональных моделей социальной ответственности бизнес-структур / Д. А. Степыгин // Регион : системы, экономика, управление. – 2013. – № 2 (21). – С. 44–49.

17. Трещевский Ю. И. Кластерный подход к анализу факторов и условий инвестиционной деятельности в регионах России / Ю. И. Трещевский, В. М. Круглякова // Экономика и управление. Российский научный журнал. – 2011. – № 7 (69). – С. 17–21.

18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 04.03.2013).

19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 15.09.2013).

Branch of the Moscow University named after S. Yu. Vitte in Voronezh

Sviridov A. S., Candidate of Economic Sciences, Head of the Management Department

E-mail: sviridov2010@mail.ru